

В корякском поселке Кинкиль солнце летом не заходит совсем. Зацепится краешком за горизонт, прокатится по вершинам далеких сопок как бубен, оброненный пьяным шаманом, и снова ползет вверх. Словно намекает, что жизнь — штука вечная. Правда, при этом лучше не думать о зиме. Там — тьма.

Иван Кэвэвтэгин, не старый еще коряк, сидел на берегу реки Пенжина, смотрел на низкое, медного цвета солнце и кашлял в платок. С некоторых пор он обзавелся носовым платком, его хоть спрятать в карман можно.

По реке плыли самоходные баржи, заканчивался северный завоз. Подошла жена, сказала:

— Однако, еще один год прожили!

Иван промолчал.

— Хорошие у нас здесь места! И рыбы много, и олешкам есть где пастись, и чуть было приливную электростанцию не построили...

— Я вон там, около тех кустов, дикого оленя палкой убил, — сказал, чтобы не молчать, Иван.

— Пэй-пэй! Зачем палкой-то, Ваня? Ружье дома забыл?

— Да я, Настя, без ружья был. За морошкой вышел, смотрю, а он с берега соскользнул в реку и в ил всеми четырьмя копытами угодил. Увяз по самое брюхо. Ты же видишь — что здесь по отливу делается... Я чаут ему на шею кинул, начал тянуть — куда там! А тут прилив пошел. Наш прилив, на весь мир знаменитый, семнадцать метров... Захлебнулся бы олень. Большой был, совсем согжой... И никто бы ему перед смертью хороших слов не сказал. А я сказал! — объяснил Иван и снова закашлялся.

— Вэньым. Хватит! Прекрати! Вот это все ты зачем мне рассказал? — возмутилась Настя.

— К тому, что с приливом очень много ила приносит здесь. Все турбины увязли бы в иле, как этот согжой, нельзя было приливную электростанцию строить. Зря бы деньги потратили.

— Ясно, Ванечка! Да и кому она здесь нужна, нам и дизеля хватает. Разве что в Америку провода протянуть.

Иван хмыкнул и снова задохнулся в кашле.

— Простыл... Я тебе баньку истоплю, выгоню всю хворь, — сказала жена и положила ему голову на плечо.

Он погладил ее, как ребенка, по седеющим волосам, поправил головнушку, сплетенную из разноцветных кусочков оленьей кожи с бисерными висюльками, а потом просто и равнодушно сказал:

— Помру я скоро.

— Чего это ты засобирился? Тебе только чутко за сорок! — встрепенулась жена.

— Вот! — сказал он и показал носовой платок с пятнами крови. — Чахотка, однако. Такие дела, Настя. И похоронить — денег нет.

— Лечится сейчас туберкулез-то! Да и не она, не чахотка, может быть! Простыл на охоте, сдались тебе эти утки проклятые, летели бы себе в теплые края!

— Есть-то надо что-то, не одну же рыбу...

— Съезди в Манилы, там поликлиника хорошая, доктор таблетки пропишет...

Тут всего-то три часа езды!

— Мне бы не в наши корякские Манилы, а в те Манилы, что на Филиппинах, да лет двадцать назад, чтобы здоровье укрепить, на солнышке погреться... Тогда бы этот тубик точно ко мне не пристал. А так — половина поселка кровью харкает, как тут не подхватить!

— А мы на этих Филиппинах за своих бы сошли, такие же черненькие, косолазенькие, с кривыми ножками... — попыталась развеселить его Настя.

— Это уж какие есть.

— Жалко, что языка филиппинского мы не знаем, — вздохнула сердобольная Настя. — Да мы и корякского не помним.

Ванька промолчал. Но нехорошо как-то промолчал, по-тяжелому.

— Вань, а Вань? — спросила она тревожно.

— Нымылгив елкивик, тумгутум! — сказал он и значительно поднял вверх палец.

— Это ты чего сейчас сказал? — удивилась Настя.

— Добро пожаловать, товарищ. Это по-корякски.

— А ты откуда знаешь? Ну, в смысле, мы в интернате наш язык давно учили, я уж забыла все, — путаясь, спросила жена.

— Да это в аэропорту написано было. Как выходишь с самолета, так и видно было. Лет двадцать висело, потом обтрепалось.

— А я-то, дура, и не обрацала внимания. Вань, а Вань, пошли домой. Я там борщ сварила, со шкварками, как ты любишь... Пошли, а?

— Пошли, — вздохнул Ванька.

Через неделю, когда он снова закашлялся и опять платок в крови оказался, Ванька взял лопату и пошел на сельское кладбище. Погост был сырим, с покосившимися крестами, но землю дали на пригорке, хоть картину пиши «Над корякским простором». А если серьезно, то место хорошее, сухое, весной не затапливает. Оградки не у всех могил, да и сам погост не огорожен. Погост... Почему? Это мы на земле гости, а это — вечный дом.

— Эй, ты чего здесь... с лопатой? — окликнули его из балка.

— Ты, что ли, здесь за главного? — спросил Ванька.

— Пока я.

— Покажи место свободное, хочу могилку выкопать, — просто и спокойно сказал Ванька.

— Умер кто-то из родственников? Сочувствую. Кто?

— Да я скоро помру, подготовиться надо.

— Ну, ты даешь, мужик! Помрешь, тогда и выкопаем. Чего раньше времени? А самому нельзя.

— Ты здесь новенький? Меняетесь вы здесь часто... И все не из местных. Как зовут?

— Аркадий.

— Ты пойми, Аркаша, помирать у нас — дело дорогое. Могилку выкопать — тысячи две... а гроб...

— Пять.

— Что — пять?

— Пять тысяч выкопать могилку, — с нажимом сказал мужик. — С северным коэффициентом.

— С ума сошли... Пять тысяч. Да я сам лучше выкопаю.

— Самому нельзя, это наше предприятие, наш бизнес.

Ванька посмотрел — здоровенный детина, лопатой не зашибешь, руки в узлах мускулов и все в наколках — купола, кресты. Расписной.

— Пять... Да если Настя эти пять тысяч вам отдаст, то через неделю ей в магазин не с чем пойти будет, ложись, однако, и сама помирай.

— Там же вам дают социальное пособие на похороны, — сказал заученную фразу мужик.

— Да что там! Слезы, не деньги. Могила, гроб, крест... А еще в морге, одежду справить, на поминки... У нас умереть дороже, чем жить.

— Да вы же все — и русские, и коряки — «гробовые» откладываете, за иконки прячете, — усмехнулся могильщик. — Не жмись, облегчи душу!

— Кто-то отложил, а кто-то не успел, — вздохнул Ванька и пошел, волоча по земле лопату.

— Эй, мужик! Да у вас у каждого здесь по полтонны икры в банки закатано, продай, на все ритуальные услуги хватит!

— Натурой возьмешь? — усмехнулся Ванька.

— В смысле?

— Ну, немного банками с икрой, немного юколой для собак! — усмехнулся Ванька.

— Да ты че, прикальваешься? Ну-ка вали отсюда! — набычился детина.

— Давай, карауль. А то твои клиенты выберутся из-под земли и разбегутся! — сказал Ванька и пошел не оглядываясь.

Пришел домой, а там за столом батька сидит, отец Александр. На столе борщ благоухает, а рядом и бутылочка сподобилась.

— Садись, Иван, побеседуем, — пригласил священник.

— Спасибо за приглашение, — сказал Иван и сел на краешек стула.

— Жена твоя, Настасья, говорит, что ты помирать собрался?

— Так это не я, это болезнь моя говорит.

— Когда наш срок придет, никто не знает. Случится — отпоем, похороним по-христиански...

— Ага... Еще плюс три. Надо же — забыл... — пробормотал Ванька.

— О чем ты, Иван? — не понял батюшка.

— Да это я о своем. Извините, что перебил.

— Так вот, никто своего часа не знает, и ты его не торопи. И живи, молись. В соседнем селе, такой же, как ты, болел, кровохаркание открылось. А соборовался — и все как рукой сняло. Врачи не верят! На снимках рентгеновских — чисто!

— Господи, яви волю твою! — перекрестилась Настя.

— Чудо! — согласился Иван.

— Нет, дети мои, не чудо это. Просто крепкая вера. Чудо, это когда воду в вино превращают. Кстати, давайте-ка, по граммულке накатим для беседы.

Выпили, улыбнулись друг другу.

Весь вечер Иван рылся в книжках. Начал с законов. Нашел «Закон о погребении и похоронном деле». О Деле! Деятели, блин... Нашел интересное место: «Погребение может осуществляться путем предания тела (останков) умершего в земле (захоронение в могилу, склеп)».

Стало интересно. Может... А может и не может? Значит, возможны другие варианты? Снова полез под кровать за книгами.

Пока учился в мореходке, да и потом, когда ходил в моря, книг он прочитал множество и все, до томика, сохранил. Книги были все умные, не какие-то там пикнули с кукулями, там и про религию было кое-что.

Он перелистал эти талмуды, хоть и так все помнил — есть только три способа избавиться от ненужной плоти — закопать, утопить и сжечь. Три стихии, три основы жизни — огонь, земля и вода. На человеческом языке все было названо заумно, поэтому и благообразно: кремация, погребение и погребение морское.

Ванька прикинул — море рядом, костер соорудить для коряка — так это он и ночью, в смысле, не просыпаясь, сгношит. А с землей, с родной корякской землей, что-то не получалось. Выкопать себе могилку на отшибе — огады-то вокруг кладбища в Кинкиле так и не соорудили, — так это грех, он хоть и плясал в корякском ансамбле по молодости, но все же не актер какой-нибудь, не лицедей, которых раньше на православных кладбищах запрещали хоронить.

Значит, надо рассуждать от противного, как говорил Михсаныч, преподаватель логики в мореходке. А кто у Ваньки был противным, но другом? Юрок. Имя было точное, юркий был мужичонка.

Юрок был в гараже, сказала его жена Галка. Иван и пошел туда. Пока шел, размышлял.

Вот что странно было в Кинкиле — машин аж штуки три: пожарная, скорая помощь и у председателя сельсовета, а гаражей сотни две. И такое архитектурное разнообразие наблюдалось, что приезжие ахали. Гаражи деревянные и железные, кирпичные и шлакозаливные, двухэтажные и в три этажа.

На вопрос гостей с материка, мол, зачем гаражи, если машин нет, отвечали, снисходительно хмыкнув: «Ну а лодки зимой — где хранить?»

А уж потом растолковывали всем несообразительным, что подвалы нужны для хранения варений-солений, грибочки-ягодки, шикши-морошки, огурчики-помидорчики — ну, это кому не лень с теплицей возиться.

Ну и рыба! Элитный лосось на эти широты не заходил, но кета и горбуша шли стабильно, а это значит — икра, рыба сухого посола, в тузлуке, да и просто юкола для собачек, если кто нарту содержит. Как без гаража!

Да и где северному мужику стопку-другую водки дернуть? Опять же в гараже, там по соседству компания всегда найдется. Прошли те времена, когда в национальных поселках «сухой закон» вводили, народ берегли. Сейчас — рыночные отношения, свобода предпринимательства.

Юрок встретил его любопытным взглядом:

— Чо, Ванька, задаром, на халяву помереть решил?

— Во, блин, деревня у нас... Только подумаешь, а уже каждая собака все-про-все знает. Может, у нас деревня телепатов?

— Не умничай, Ванька! У нас и слова-то такого не слыхали. Все просто. У наших дорогих односельчан теплая вода в попе не держится, вот и... все про всех знают.

— Ладно. Ты мне скажи — у тебя «казанка» на ходу?

— Да вроде бы... Я еще, как видишь, свою навигацию не закрыл. А что с твоей? Опять шпонки порвал?

— Да не в этом дело. Хочу, если еще Пенжина не встанет, по морскому обрядку... ну это... упокоиться. Поможешь? — с трудом проговорил Ванька. — Я же в моря ходил, даже вторым штурманом был, имею право.

— Так-так-так, дружище! — оживился Юрок. — Я сейчас все на простой язык переведу. Ты вот ластами хлопнешь, я приду, заберу твое тело, привяжу к ногам железяку,

пройду через бары, если волной не опрокинет... и выкину тебя за борт. Потом возложу венок, вернусь, а там капитан полиции Мережко повяжет меня и посадят лет на пять.

— За что? — удивился Ванька.

— За глумление над трупом... за нарушение границы — тебя же подальше выкинуть надо, за двенадцатимильную зону, иначе все равно к берегу прибьет.

— Как все сложно у нас! — вздохнул Ванька и закашлялся. — Хоть кредит бери на собственные похороны.

— Кредит... Так ведь Насте платить придется за тебя. Она же будет поручитель. А без поручителя не дадут.

— И чо делать?

— Не знаю... Ты с попом поговорил, я знаю. А с Гришкой-шаманом? Нет? Поговори.

— Да какой он шаман! — махнул рукой Ванька.

— Какой есть. Настоящих шаманов комиссары еще в тридцать седьмом в расход пустили.

— Ладно, поговорю, — согласился Ванька.

Гришка-шаман пришел с бубном. Зачем-то нарисовал на своей физиономии спирали и другие загогулины. Новенькая кухлянка тоже была красива, словно Гришка в кино собрался сниматься. А торбаса-то, торбаса... Из беленького камуса, подошва из шкуры нерпы, но на дворе-то сырой сентябрь, а не морозная зима.

— Вон, возьми тапочки, а торбаса на батарею поставь — наследил, — сказал сердито Ванька.

— Гриша, пельмени будешь? Давай, под водочку! — пригласила Настя.

— Я тёшу буду. Из брюшков кеты. А водку вашу... белая отравка от белого человека! У меня тут порошок из мухоморов, потом, когда камлать буду, покурю, это круче водки, — высокомерно сказал Гришка-шаман. — И не Гришка я вам, а шаман Иянин Кутх.

— Садись, Яня! — сказала простодушная Настя.

— Ты, Настя, от корней оторвалась! — сказал Гришка-шаман. — Иянин Кутх — это ворон, живущий в устье реки, где много рыбы. Поэтому он жирный.

— Хорошо устроились! — сказал Ванька. — У русских один бог на всех, жизнь может пройти, он на тебя не взглянет, а у нас — ворона увидел, вот тебе и бог. У русских он на небесах, недоступен, а у нас его поймать можно и в клетку посадить. И желания заказывать. Ладно-ладно, не сверкай глазами. У нас даже слова такого «богохульство» нет в корякском словаре. Что пришел-то, Иянин Кутх?

— Ты звал меня мысленно, и я явился! — сверкнул глазами шаман.

— Ага. Телепортировал. Тогда ты мою проблему знаешь. Похорониться не могу, денег нет. А другой способ найти пытаюсь, но что-то...

— Наши предки сжигали своих покойников! Как римляне. Только те грустили, а мы радовались — человек к богам уходит.

В дверь постучали, вошел отец Александр и с порога, услышав разговор, заявил:

— Хоть наша российская власть и разрешает кремацию, но дело это богопротивное. А как вы потом воскреснете?

— Хм... — задумался Ванька.

— Мы как дым над костром летать будем! Тебе, как умирающему, это уже должно быть понятно! — сказал грозно шаман. — Ты почувствовать это должен! Увидеть!

— Погоди ты с мифологией! — рассердился «умирающий». — А вот вы скажите, отец Александр, а как быть с тем, кто сгорел в танке, с тем, кто тушил пожар и не вышел из огня... Им не будет возрождения?

— У них есть оправдание. Они не выбирали смерть, не выбирали способ погребения! — возразил священник и сел за стол, колыхнув животом.

— Это когда нет выбора. А у меня есть выбор! — объявил Иван.

— Зачем? — воздел руки отец Александр.

— Я думаю, что смерть уравнивает жизнь, — сказал Иван тихо.

— Это как? — удивился и даже стукнул в бубен шаман.

— Иногда человек не дотягивает, чего-то не успевает, что-то ускользывает из жизни, тогда появляется яркая смерть и добавляет то, чего не смогла сделать жизнь.

— Не понял. Поясни! — потребовал священник.

— Ну, например... Пушкин.

— Пушкин всегда «например», — съехидничал поп.

— Так вот... Не будь дуэли, кто знает — как бы сложилась посмертная судьба Пушкина. Нет, он был бы все равно первым, но не было бы такого разрыва между ним и остальными.

— Заумно! — поморщился поп.

— Ладно. Не хотел я... Тогда, как пример, Христос. Не будь распятия, не было бы воскрешенья, а без него не было бы всего христианства! — крикнул Ванька.

— Господи Иисусе... — прошептала побледневшая Настя.

— Богохульник! Нет, хуже — богоборец! — загремел отодвигаемой табуреткой поп. — Вот только попробуй, гаденыш, самосожжеться! Прокляну во веки веков.

И вышел, хлопнув дверью.

— А я не буду ничего делать! Все само делается! — крикнул ему вдогонку Ванька.

— Ладно, давай водки! — сказал шаман.

— И то верно, — прошептала Настя.

Выпили. Задумались.

— Вань, а Вань, ты что опять задумал? — тихо спросила жена.

— Да, сосед, рассказывай! — стукнул в бубен заячьей лапкой шаман.

— Да все просто! Григорию, шаману нашему, можно появиться у костра, только чуть позднее. Иначе ему эту статью про глумление над трупом обязательно впаяют. А так... Я сам все сделаю. Соберу костер из смолистых бревнышек, бересту, сухой ягель на розжиг... Сам взойду, сам возлягу. Вот так... — Ванька лег на пол, на цветастый коврик, плетенный из цветных полосок оленьей кожи, таких же, как головнушка у Насти, устроился поудобнее.

— А дальше? — спросили его хором.

— А как совсем душа отлетит... Тогда вот эта рука упадет.

— И что?

— А вот здесь у меня будет лупа, стекло увеличительное... Я пока живой, ее рукой буду прикрывать. Вот я умер! Рука упадет, а стеклышко откроется для солнца. Солнышко посветит через лупу, ягель задымится, потом береста займется, а там и бревнышки смолистые. И что? Никто не виноват. И хоронить не надо. Пепел разлетится, народ повеселится по корякскому обычаю, Гриша... то есть Иянин Кутх покамлает, в бубен постучит. Хоть запомните меня, такого хитрого. Чем этим гробокопателям деньги отдавать, так я вам на свои поминки оставлю. Помяните добрым словом.

За столом наступила тишина. Настя начала тихонько всхлипывать.

— Фигня получится! — дал наконец оценку шаман. — Во-первых, у нас постоянно облака на небе...

— Ничего, мне одной минутки хватит! Выглянуло солнышко, и через минуту подо мной уже все горит!

— Во-вторых, солнышко-то перемещается. Ты тоже, Ванька, будешь своей худой задницей за солнышком следовать как подсолнух?

— Да! — сказала с силой Настя. — Фигня, Иван.

— Ладно. Буду дальше думать! — сообщил Ванька и разлил остатки водки.

Не успели выпить, как в дверь постучали.

— Кто еще там? У меня на сегодня прием закончен!

— Свои, корефан! — И в низкую дверь влез мужик с кладбища. — Слышь, давай за полцены. То меня из города грузят, говорят, замать все надо по-тихому.

— За полцены — это сколько? — поинтересовался Иван.

— Ну... штук за двадцать.

— За двадцать тысяч? Это с памятником, с оградкой, с венками?

— Ты еще скажи — с музыкой! Довезти, закопать, ну, крест, если крещеный. Гроб приличный, без щелей, дуть не будет! — не выдержал и ухмыльнулся могильщик.

— Ты вот что, вали отсюда! — сказал Ванька ласково. — А то я тебе из «мелкашки» в глазик, как белке, выстрелю, у самого сквозняк в голове будет.

— Смотри, мужик...

— Да не боюсь я тебя, дубина стоеросовая. Один ты здесь, все братки за тысячу двести километров. А тебя сюда сослали. За что? Крысятничал? Ментам на своих стучал?

Блатной бугай попер было буром, но Ванька протянул руку, сдернул с оленьих рогов карабин и спросил у шамана:

— А скажи мне, Иянин Кутх, тот медведь, которого я завалил по весне, был больше этого дурака или такой же?

— Да ты пристрели его, я шагами смеряю, я так-то, на глазок, ошибиться могу, — подыграл шаман.

Блатной могильщик вывалился за дверь, потом еще долго орал чего-то там.

— Иван, а если бы он кинулся на тебя? — спросила укоризненно Настя.

— Пристрелил бы.

— Ну и посадили бы тебя, дурака.

— Вот и хорошо. Да я до суда бы не дожил. А там... Опять же сплошная выгода — им же и хоронить пришлось бы. Пойду я, один побуду. Ты, Иянин Кутх, не расслабляйся, я все равно что-нибудь придумаю.

Он пошел в лес, подальше от людей, нашел сухой пригорок, присел, привалившись спиной к кривой каменной березке — ветрами крученной, пургами гнутой, снегами не раз придавленной, чем-то на него, Ваньку, похожа была эта березка. Серега Есенин такую кривую березку обнимать не стал бы, не воспел.

Чем ближе к смерти, тем проще он воспринимал тех, кто уже перешел черту.

Он закашлялся, опять на губах появилась кровь — розовая, не алая, можно было бы и не волноваться по пустякам. Когда он был пацаном, в Кинкиле почти не знали туберкулез, тогда лечили, а сейчас «предоставляют медицинские услуги». И все больше — за деньги.

Лет десять назад пришел в поселок рыбопромышленник один — из молодых, но уже с деньгами, так он корякских пацанов на лето в Приморье отправлял, на солнышко, на фрукты. Причем он умный был, предупредил этих пионервожатых, чтобы корякских детей молочком и сметаной не пичкали, это им вредно, организм по-другому устроен, от молока корякские дети болеют.

А еще раньше их, пацанов, на кораль возили, на забой оленей. Весна, тепло, солнышко греет, а они в детских кухлянках на голое тело, кровь оленью, свежую кровь пьют, теплую еще... Измажутся как черти, весело им было... И почти не болели. А то все думают, что поменяли имена на русские, Ительнаут на Ирину, так у коряков и обмен веществ изменился сразу.

Ванька опять закашлялся, потом полез рукой в ягель — губы вытереть влажным мхом, а там стекло от разбитой бутылки. Порезался. Сравнил цвет крови — что на губах выступила с той, что из пальца потекла. Может, зря он бузу поднял — не такая она уж красная на губах-то...

А потом вдруг вспомнилось, как они с пацанами приезжих москвичей дурили — те все шкурами интересовались: соболями, лисами, на худой конец оленьими шкурами. Пыжик! Камус! Нахватались разных слов... Ну, они им, пацанята, и натаскали — одна шкура в обмен на килограмм шоколадных конфет. Москвичи радовались — почти задаром меховая рухлядь достается. А потом они вышли на берег Пенжины, а там эти шкуры штабелями сложены, никто не знает — куда их девать. Они молодые были, москвичи эти, глупые и жадные. Они слышали про пыжик — шапки красивые, а не знали — что это такое. А это еще не рожденный олененок. Его из утробы берут. Это еще называют «выпороток». А шкура оленья только для оленя хороша, а так — волос в шкуре пустой, ломается. Постелешь на пол, через час весь дом в оленьей шерсти, аж в носу свербит.

А потом вдруг вспомнилось, это он уже бригадиром в совхозе был, как они отгружали еще теплую оленину на «пену», почему-то так назывался железный короб метров пять длиной и три шириной. Пену цепляли к трактору или к вездеходу ГТТ, тащили по снегу на берег, а там уж морем олени туши — в Японию. Диетическое мясо. Экзотика. Попробовали как-то раз наши ради дружбы народов положить бесплатно сувениры из оленьего меха, так те японцы письмо написали: мол, внешний вид и запахи не соответствуют эстетическому восприятию японского народа.

Как из десяти голых задниц по запаху находят свою жену в телевизионном шоу, так у них все в порядке с эстетическим восприятием, а тогда с куклами из камуса — что-то переклинило в восприятии у самураев.

Выглянуло солнышко, засветило, заиграло, лучик упал на стеклышко, задымилась сухая трава на пригорке. Может, все-таки, подумал Ванька, запустить... как бы это назвать повесомее... корякский ритуал кремации?

Вечером он снова полез под кровать, в свою домашнюю библиотеку. Нашел книжку про зороастрийцев — кто-то из геологов оставил, а он подобрал. Оказывается, кроме трех способов избавиться от тела — земли, воды и огня — есть четвертый, очень странный, но, кажется, мудрый. Эти древние люди считали, что нельзя загрязнять природные стихии — а это как раз и есть земля, вода и огонь. Поэтому они оставляли своих усопших на высоких башнях — дахмах, или башнях молчания, — а уж там их расклеивали огромные птицы — орлы, грифы, ну и вороны, конечно. Ваньке понравилась формулировка «ткани и кости утилизируются хищными птицами и собаками».

Надо шаману сказать, подумал Ванька, а тут и он нарисовался, словно подслушал, возник на пороге, но уже «по гражданке», без кухлянки и бубна.

— Ты чего светишься, как майский месяц? — ревниво спросил шаман.

— Нашел! Как говорится, эврика!

— Что нашел? Деньги?

— Новую религию. Точнее, такую старую, что все ее забыли, — сообщил Ванька.

И он рассказал все. Иянин Кутх сидел, ревниво морщился.

— Странная религия! — сказал он.

— Очень древняя! — возразил Иван. — И что важно — шибко природу берегут.

— Вот поэтому я и соглашаюсь! — с каменным лицом объявил Иянин Кутх. — Только я один не справлюсь. У нас башен нет. Есть скала в устьях, там можно подняться, помнишь, мы пацанами лазили.

— А одному и нельзя. У них в уставе сказано — минимум вдвоем поднимают усопшего на скалу, если второго нет, это большой грех.

— Никто не пойдет, побоятся. На поминки пойдут, на меня посмотреть пойдут, а на скалу не полезут.

— А вот, смотри, что написано: если второго человека нет, его может заменить собака. Рыжего с собой возьмешь, только на поводке веди, во-первых, на скалу

проще затащить, во-вторых, он потом от меня... в смысле от трупа... не отойдет, так и сохнет рядом. А на поводке ты его сможешь назад увести.

— Сделаю! — сказал шаман.

— И еще... Там надо веревками привязывать.

— Это еще зачем? Чтобы покойник не сбежал?

— Нет, правда. Привязывают для того, чтобы всякие грифы, орлы и стервятники не начали таскать, а то уронят вниз и осквернят землю. У меня в гараже фал капроновый, метров двадцать, тебе хватит.

— Отрепетировать надо! — сказал, подумав, Иянин Кутх.

— Не понял? — поднял бровь Иван.

— Ну, привязать бы кого-нибудь... А вдруг у нас не сработает?

— Ты чо, сдурел? Кого ты там, кроме меня, привяжешь?

— Да я не про человека... У меня важенка в общественном табуне ногу сломала, попала в торбаганью нору передней правой... Серега Тальпичан по радиации в совхоз сообщил, я съездил, забрал. Они сейчас на ближних пастбищах кочуют.

— Забрал... И что?

— Да она примерно по весу, как ты. Короче, бараний вес! — выговорил шаман.

— Да ладно, брось — заколешь, мясо в семье будет! — не согласился на замену Ванька.

— Да они там... короче, они там сами закололи. Ковыляла, падала, стадо пугала. Туда-сюда, пока я с вездеходчиками договорился... Короче, слегка завоняло мясо. А собак я не держу, ты знаешь.

— Ладно, попробуем.

Важенка лежала в гараже, вытащили — и синее небо стало отражаться в ее огромных глазах. Шаман выкатил из гаража свой старенький «Урал», они затолкали в люльку молодую олениху, потом Иван свистнул Рыжего.

Рыжий был пес что надо, с жизненным опытом — и на вездеходах ездил, и на вертолетах летал, и на лодках с мотором ходил, разве что на помеле верхом не приходилось. Иван пошлепал по люльке «сидеть», — и тот запрыгнул, втиснулся бочком, вежливо понюхал неподвижную соседку.

С третьего пинка «Урал» завелся, и они поехали на устья, к скале. Дорога была хорошая, сухая, хоть и в колдобинах. Грамотный Ванька называл их колдофакины. Когда мотоцикл подбрасывало, олениха кивала головой.

Наконец приехали. Подъем на скалу был крутой, пришлось Ваньке толкать оленью тушу снизу в задницу, а шаман сверху тащил ее как бурлак. Рыжий, как и положено, заходился лаем. Потом затащили и его.

Отдышались. Привязали страдалицу к скале как Прометея. Сели перекурить. Сверху река Пенжина казалась огромной и тихой. На западе, на слегка выгнутом горизонте, виднелись крошечные силуэты кораблей, треску ловили, ей самое время.

— Хорошее место! — сказал шаман. — Вон там люди соберутся, скатерти постелют, достанут кто что, помянут, а я вон на том пригорке камлать буду.

— С попом только не подерись, у него тут свои интересы, может испортить наш праздник.

— Да где ему с нами, солнцепоклонниками, справиться! Нашей религии пять тысяч лет!

— Нашей? — удивился Ванька.

— Индийская или индейская — какая разница! Одна буква... Это просто вопрос правописания. Конечно, мы родственники! Значит, единоверцы. Пойдем до хаты, помянем.

— Кого? — не понял Ванька. — Олениху?

— Нет, я в смысле... отрепетлируем. Твое возложение на вершину «башни тишины» отрепетировали, теперь надо это... остальное... репетнуть.

— Ну пойдем! — согласился Ванька. — Вон, кстати, твои кутхи уже кружатся.

— Чего? — не понял шаман.

— Воронье собирается, не слышишь — вон, разорались!

— Проверим через недельку, справятся ли они с поставленной задачей? — предложил шаман.

— Проверим. Если дождя не будет. А то по скользким камням загремим раньше времени со скалы! — сказал Ванька весело, ему нравилось, что он надул и могильщика, и попа, и похороны себе придумал веселые, долго вспоминать в селе будут.

— Что улыбишься? — с завистью спросил шаман.

— Так, мыслям своим улыбаюсь. Смерть должна быть красивой, тогда и люди не сразу тебя забудут, — сказал Ванька с нажимом.

— Нам всегда говорили, что жизнь должна быть красивой. Помнишь училку по литературе. У нее еще кличка была — Уточка, ходила, переваливаясь, как кряква. Вот она так говорила.

— С жизнью — как повезет. Иногда и вспомнить нечего. А смерть эту серость может раскрасить. У всех великих и смерть великая была! — сказал Ванька, улыбаясь своим мыслям.

Они спустились со скалы, Ванька отстегнул с поводка недовольного Рыжего.

— Боюсь тебя огорчить, одноклассник, но у великих не всегда смерть была героической! — заявил шаман.

— Ну, например?

— Например два великих человека в России умерли... как бы это помягче сказать... их смерть была связана с сортиром.

— Кто это? Чего чушь несешь? Опять тебя на корякский национализм пробило?

— Да что ты! Петр Великий и Екатерина Великая. Никакого национализма. Просто факты.

— Петр простудился, когда лодку с солдатами с мели снимал. Ехал мимо — ветрюган, даже Нева штормила, а тут лодка на мель села, заливают. И царь — слышишь, царь! — в воду полез. Простудился.

— Это причина. А следствие — воспаление, моча не отходила несколько дней, умер.

— Ух, ты и зануда, шаманская твоя морда! А матушка Екатерина?

— Та просто, говорят, в сортире преставилась. Как сидела на стульчаке, в который польская корона вмонтирована была, так и усопла! — сказал злостный шаман и скорчил постную морду.

— Ну, бывает... Может, пляски наколдовали, может, съела что-то не то... Но это же не умаляет, так сказать...

— Не умаляет. Только смертью жизнь не испортишь.

— Вот это верно.

Через две недели они снова полезли на скалу. Рыжего оставили внизу, не собачье это дело — скалолазание. Сразу почувствовали издалека — пованивает крепко. Вскрабкались на самый верх... Олениха раздулась как спасательный плотик, вороны выклевали ее огромные и грустные глаза, потрепали шкуру, но не больше.

— Да брат Иянин... Все хорошо придумали, только вот с грифами и стервятниками у нас в Корякском округе напряженка. Да и кондоров я ни разу не видел...

— Что делать будем? — озадачился шаман.

— Доставай свой паренький нож, наш корякский булат, режь веревки. Скинем вниз, там песцы с лисами быстрее разберутся.

— Что делать-то будем? — спросил шаман.

— Не буду я здесь лежать, небеса пугать. Извини, шаман, не получится у тебя по моему поводу заячьей лапкой в бубен постучать.

— Да ладно, Ваня... Я-то что? Помочь хотел. Красивая идея была, но на практике... Жалко, что волки на скалы лазить не умеют. Они бы от тебя и косточки не оставили. Помнишь, дружок твой Илюша пошел один к табуну и на стаю наврался? Одни следы, пятна крови на снегу и пряжка от солдатского ремня — вот что осталось. Даже ремень сожрали...

— А вот это идея! — сказал медленно Ванька. — Только бы снега дожждаться, не помереть.

— А снег-то здесь при чем?

— А чтобы плоть земли не касалась. Огнепоклонники мы али нет? Огнепоклонники. Все надо делать по правилам. И здесь — снег как прокладка. В Индии снега нет, так они и не подумали, что можно и вот так.

— А волки у них есть? — спросил дотошный шаман.

— Не знаю. Тигры есть.

Весь следующий день он собирался — заряжал патроны картечью и жаканами, мастерил волокушу. Настя уехала к родне в Каменское, сказала: «Глаза бы мои не глядели!» — и неясно было: жалеет она Ваньку, или надоел он ей, или вся эта суета с солнцепоклонничеством надоела хуже горькой редьки. Ну да ладно. Так даже спокойней.

Проверил все — дробовик, нож, патроны. Зачем-то взял пару сигнальных ракет. Вышел на улицу, а там снег идет. Все совпало.

Он привязал Рыжего к дверям, чтобы люди поняли — хозяин ушел. Пес догадался обо всем и начал рваться, крутиться, пятиться, стараясь выскользнуть из ошейника. Потом, поняв, что фокус не пройдет, взвыл и облаял Ваньку так, словно обматерил.

— Сам ты это слово... — пробормотал Ванька, торопясь скрыться с собачьих глаз.

Добираться до скалы на этот раз пришлось дольше, это тебе не на «Урале» в обнимку с оленихой прокатиться. Но дошел. Отдышавшись, полез на скалу. Туча ворон подорвалась в небо, заорали, как на базаре. Хорошо хоть, ветерок натягивал крепкий, Ванька зашел с подветренной стороны, вытянул из ножен, обтянутых камусом, тяжелый пареньский нож, отрубил заднюю ногу у оленихи, скинул ее со скалы.

— Не шибко вы здесь наработали! — сказал он возмущенным воронам. — Зря про вас говорят — санитары леса. Вам не мясо рвать, а зернышки клевать.

Вороны кружились все ближе, норовили на голову есть.

— Ладно уж, доклевывайте что есть. А я с вами работать не буду.

Внизу он привязал оленью ногу к волокуше, накинул ляжку на плечо, дробовик повесил на шею и пошагал к табунам — сейчас там должны были волки крутиться. Снег был сырой, волокуша, сплетенная из ивовых прутьев, скользила легко. Сейчас бы зайчишек погонять по чернотропу, подумал Ванька и тут же отогнал оппортунистическую мысль.

Часа через три захотелось жрать. Ванька присел на высокую тундровую кочку, достал термос, бутерброды. Перекусил, захотелось закурить. Не стал, во-первых, волки учуют, гады, уйдут, во-вторых, курить вредно для здоровья. Ничего, потерпим. На пять минут дольше проживем, подумал он и засмеялся.

Волки появились под вечер, когда у человека зрение садится и наступает то, что называется «куриной слепотой». Вначале Ванька засек краем глаза мелькнувшую тень, потом хрустнула ветка. Пришли.

Место было ровное, пустое, просто тундра. Но умирать так быстро вдруг расхотелось. И он шмальнул картечью на звук. Тени растворились в сумраке, дали время оглядеться.

В сотне метров, чуть правее от того направления, по которому он шел, росла каменная береза — кривая, негнувшаяся, одинокая, как... как коряк в Москве. Вот к ней и заторопился Ванька. Добрался, сбросил с плеча лямку волокуши, прижался спиной к корявому телу дерева. Вот тут все и будет, подумал он.

Волки подтянулись быстро. Ванька прикинул — штук семь, не больше, если кто-то в темноте не прилеж, выжидая.

В магазине дробовика было пять патронов с картечью, если не дадут перезарядиться, то придется ножом отмахиваться. Драка должна быть честной — у него дробовик, у них кодла. И сдаваться он не будет, потому что получится не как у солнцепоклонников, а какой-то суицид в извращенной форме.

Волки медленно подходили — крупные, уверенные. Смотрели в упор, не мигая, внимательными желтыми глазами.

— Кис-кис, мои сладкие! — сказал Ванька, и они кинулись все сразу.

Ванька выстрелил два раза, и два молодых, но крупных волка кувыркнулись через головы, остальные шарахнулись в стороны.

— А ты чего, пахан, за спины прячешься? — спросил Ванька у вожака. — Мясач хочешь? Вот он я, возьми.

Волки снова начали подступать: сделают шага три, Ванька шевельнет ружьем — отпрянут. Он видел, что эта игра идет на отвлечение внимания — один из матерых самцов остался в сумерках и сейчас по большой дуге заходит сзади.

Прошла еще одна бесконечная минута, и вдруг худая, с отвисшими сосками волчица взъярилась, рванула зубами за холку стоящего впереди волчару, вожак кинулся на второго, все смешалось, и они вдруг бросились все на Ваньку. Он успел выстрелить три раза, дважды попал, можно сказать, влет, сбил двух серых в прыжке, но третий выстрел ушел в небо — тяжелый волчара, уже мертвый, с окровавленной пастью, врезался в Ваньку и сбил прицел. Патроны закончились, а тут навалилась волчица сбоку, он успел сунуть ей в пасть ствол ружья, она грызла железо и не отпускала.

И она закрутилась вокруг кривой березки — Ванька пытался выдернуть у нее из пасти свой дробовик, даже умудрился затолкать в магазин один патрон, но стрелять было нельзя — разорвет ствол или будет «дутьш» в лучшем случае. Уже вся стая кружилась вокруг дерева, даже тот, что уходил, возник из темноты, еще секунда — и они бы завалили его на снег, там уже не встать... Но Ванька изловчился и, как это случалось, когда перегрызутся нартовые псы, пинком отбросил эту бешенную суку и выстрелил в упор.

Они отпрянули, и Ванька вхолостую лязгнул затвором и прицелился. Волки отступили, тогда он успел дослать в магазин дробовика еще три патрона.

Только вожак стоял неподвижно, глядел человеку в глаза тяжелым и беспощадным взглядом. Ему, почуявшему теплую кровь, было просто неинтересно все, кроме этой крови, — и смерть своих бойцов, и тело волчицы, у которой до сих пор дергалась мелкой дрожью задняя лапа... Его сейчас раздражал человечиска со своей кусающей огнем железной палкой. Он упрямо не хотел подышать, этот человечиска, он не отдавал себя, не отдавал кусок мяса, который лежал у него под ногами.

Ванька понял его взгляд, засмеялся и толкнул ногой волокушу с вонючей олениной. Два оставшихся волка сунулись было к жратве, но вожак просто поднял верхнюю губу — властно и презрительно, даже не зарывав, и волчары отошли, поджав хвосты.

— Жрите! — сказал Ванька и прижался спиной к холодной и кривой березе.

Он видел, как они рвали оленину, как тасили куски в темноту, и никто не оглянулся на остывающие трупы сотоварищей.

А потом стало тихо и темно. Ванька дозарядил дробовик, разбросал стрелянные гильзы вокруг ристалища, истоптанного волчьими лапами, испачканного еще не застывшей кровью. Потом надрал бересты, собрал сухих веточек, затеплил костерок.

Потом сел на снег и закашлялся. Уже по привычке посмотрел на ладонь — крови не было. С перепугу, что ли, подумал Ванька. Умирать расхотелось. Конечно, все там будем... и будем там на равных... но все равно — что отмерено, то надо прожить.

Он услышал далекое тараканье и лягз гусениц — из табунов шел вездеход. Ванька порылся в подсумках, нашел сигнальный патрон, жажнул в небо. Полоса света метнулась по параболе и уткнулась в землю перед вездеходом.

Ванька встал и пошел навстречу.

— Чего фулиганишь? — весело спросил Юрок, это он сидел в кабине и ловко управлялся с рычагами фрикционов.

— Да вот, гуляю. О смысле жизни думаю, — сказал Ванька.

— Дело хорошее — хоть о смысле, хоть без смысла, но о жизни все-таки! — засмеялся Юрок.

— Подкинь вон до той березки, кое-что забрать надо, — попросил Ванька.

Потом он перекидал в кунг коченеющие тела волков, запыхался.

— Эй, Ванька! На кой черт ты нам этих зверей закинул? — возмутились чумработницы. — Мы тут переоделись в чистенькое, домой едем...

— А чтоб не скучно было ехать, бабоньки! — отшутился Ванька.

Дома его встретила заплаканная Настя.

— Ты куда, дурак седой, подевался? Я переживаю, собака на поводке чуть не давилась, рвалась за тобой...

Рыжий, услышав, что говорят о нем, обиженно отвернулся, только ноздри трепетали, как перед дракой. Он встал с подстилки, обошел Ваньку стороной и начал скрестись в дверь.

— Сиди здесь! — приказал Ванька. — Не по зубам они тебе были.

Но Рыжий не успокаивался. Ванька встал, чтобы оттащить его, но в этот момент в дверь постучали. Это был могильщик, он же — смотритель кладбища.

— Чего тебе? — спросил Ванька. — Вопрос закрыт, я передумал помирать.

— Да ты живи на здоровье! — попытался изобразить вежливую улыбку могильщик. — Я по другому делу. Тут народ говорит — ты волков настрелял. Продай, а? Я посмотрел — здоровенные...

— А тебе зачем? — удивился Ванька.

— У нашего бугра скоро днюха. Полтинник. Типа — юбилей. Он, блин, в авторитете. Все есть — дом, три машины, часов дорогих двадцать штук. Что такому подарить? Братва мается. А тут — волчи шкуры. Пацаны от зависти того...

— Ладно. Купи! — сказал нагло Ванька.

— По... пять тысяч. Идет?

— По десять!

— Годится! — быстро согласился амбал и, как банковская машинка, ловко пересчитал купюры. — Вот, сорок, как в аптеке.

— Похоронить-то хватит? — усмехнулся Ванька.

— Да я тебя по дружбе... так закопаю... когда время придет... и оградку, и памятник... — заторопился могильщик.

— Врешь ты все! — сказал Ванька. — Настя, положи деньги за божницу. На черный день.

